

УДК 81'27+81'282.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/9

Заимствования из восточных и западно-европейских языков в русском языке восточного зарубежья

Е.А. Оглезнева

Томский государственный архитектурно-строительный университет

Россия, 634003, г. Томск, Соляная площадь, 2

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматриваются заимствованные единицы в русском языке восточного зарубежья, в Китае, на примере четырех его вариантов: в Харбине, Трёхречье, на правом берегу реки Амур и в Синьцзяне. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения заимствований как результата языкового контактирования народов и их культур, которые демонстрирует специфику существования этноса или его части в конкретных исторических обстоятельствах. Основным методом, принятым в настоящем исследовании, является сравнительно-сопоставительный, предполагающий сопоставление разных вариантов русского языка в восточном зарубежье на уровне заимствований из контактировавших с ними языков, выявление общего и различного с целью классификации и типологии. Проанализированы заимствования в различных русскоязычных диаспорах восточного зарубежья с точки зрения их состава, а также состава языков-источников заимствования, их видов и использования в устной и письменной речи. Состав заимствованных лексем и словосочетаний в различных вариантах русского языка в восточном (китайском) зарубежье показывает актуальность тех или иных социальных и культурных контактов, отразившихся в заимствованных лексических единицах: в Харбине это заимствования из восточных (китайского и японского) и западно-европейских языков, в Синьцзяне – из китайского и тюркских языков; в Трёхречье и на правобережье реки Амур – только из китайского языка. Особенности функционирования заимствованных единиц в русской речи представителей различных русскоязычных диаспор в Китае, их использование в устной и письменной разновидности русского языка демонстрируют различные способы языкового существования и разный уровень сохранности русского языка в диаспорах.

Ключевые слова: социалингвистика, русский язык, Китай, восточное зарубежье, русскоязычная диаспора, языковой контакт, вариант языка, заимствование

Borrowings from Eastern and Western European languages in the Russian language of the Eastern Abroad

Elena A. Oglezneva

Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia)

2 Solyanaya square, Tomsk, 634003, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Abstract

The article examines borrowings in the Russian language as spoken within the Eastern diaspora in China, focusing on four specific variants: those of Harbin, Trekhrechy, the right bank of the Amur River and in Xinjiang. The relevance of the study lies in the need to analyze lexical borrowings as outcomes of language contact between peoples and their cultures, reflecting the unique historical and social conditions of an ethnic group or its subcommunities. The main method employed is comparative-contrastive analysis, which entails comparing different variants of the Russian language in the Eastern diaspora at the level of borrowings from contact languages. This approach aims to identify both shared and distinct features for the purpose of classification and typologization. Borrowings across various Russian-speaking communities in the Eastern diaspora were analyzed in terms of their lexical composition, source languages, types of borrowing, and usage in both spoken and written discourse. The spectrum of borrowings in these variants of Russian reflects the specific socio-cultural contacts sustained by each community. For instance, the Russian spoken in Harbin exhibits borrowings from both Eastern languages (Chinese and Japanese) and Western European languages. In Xinjiang, borrowings originate from Chinese and Turkic languages, whereas in Trekhrechy and on the right bank of the Amur River, borrowings are exclusively from Chinese. The functional peculiarities of these borrowings – their integration into oral and written speech – illustrate diverse modes of linguistic adaptation and varying degrees of Russian language preservation across the diasporic communities. The peculiarities of the functioning of borrowings in the Russian speech of representatives of various Russian-speaking diasporas in China, their use in oral and written varieties of the Russian language demonstrate different ways of linguistic existence and different levels of preservation of the Russian language in diasporas.

Keywords: sociolinguistics, Russian language, China, Eastern Abroad, Russian-speaking diaspora, language contact, language variant, borrowing

Введение

Русскоязычные диаспоры в Китае входят в фокус нашего исследовательского внимания начиная с 2000 г. Материалом исследования послужили записи устной речи их представителей, выполненные во время научных экспедиций в различные регионы Китая, и письменные источники (записи естественной письменной речи, периодические издания русского восточного зарубежья, мемуарная литература) [24–27].

Нахождение в чужой языковой среде обуславливает как минимум билингвизм носителей языка, в частности русского, и процесс заимствования из языка страны проживания в русский язык. Однако порой при сходных, казалось бы, географических, исторических, хронологических параметрах языковых ситуаций с участием русского языка результат языкового взаимодействия может быть различным. Следующие параметры языковых ситуаций в Китае с участием русского языка можно рассматривать как исходные данные: географический – территория русского восточного зарубежья – Китай, но разные его регионы: Харбин, правобережье реки Амур (Хэйлунцзян), Саньхэ (Трёхречье) во Внутренней Монголии, Синьцзян; хронологический – исследуемый период относится к XX – началу XXI в.; исторический – причины переселения в Китай во всех случаях, кроме Харбина, связаны с несогласием с новой советской властью, коллективизацией, голодом 1930-х гг. в России. В Харбине же образование русской колонии было обусловлено началом строительства КВЖД и города Харбина в 1898 г., а уже после 1917 г. туда хлынул поток послереволюционных беженцев из России [1; 2; 4; 14; 19].

Возникает вопрос о том, какие факторы обуславливали специфику русской речи представителей русскоязычных диаспор в Китае – в Харбине, Трёхречье, на правом берегу реки Амур и в Синьцзяне. Рассмотрим это на примере заимствований из других языков, которые являются непосредственным следствием языковых контактов и характеризуют речь представителей русского восточного зарубежья.

Под заимствованием нами понимается «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [7: 158].

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения заимствований как результата языкового контактирования

народов и их культур. Пласт заимствований в том или ином языке в определенный период времени демонстрирует специфику существования этноса или его части в конкретных исторических обстоятельствах. В заимствованиях, как в зеркале, отражаются особенности бытия этого этноса и уровень его культурного, социально-экономического и научно-технического развития.

Основным методом, предпринятым в настоящем исследовании, является сравнительно-сопоставительный, предполагающий сопоставление разных вариантов русского языка в восточном зарубежье на уровне заимствований из контактировавших с ними языков, выявление общего и различного с целью классификации и типологии.

При схожих географических, исторических и хронологических условиях существования русскоязычных диаспор в Китае они демонстрируют вариативность их русского языка, которая проявляется, в частности, в языках – источниках заимствований, в составе тематических групп заимствованной лексики, в способах вхождения новой заимствованной лексики в язык диаспорального сообщества (письменный/устный), в особенностях её адаптации в русском языке восточного зарубежья.

Нами была изучена речь типичных представителей русскоязычных диаспор в Китае, сохранивших родной русский язык наилучшим образом по сравнению с другими членами диаспор [3; 13; 17; 18], в том числе по характеру их билингвизма и с точки зрения присутствия в их речи заимствованных элементов. Заимствования в речи представителей русскоязычных диаспор восточного зарубежья были рассмотрены с учётом языков – источников заимствования, типов заимствований и их использования в устной и письменной речи.

Заимствования в русской речи представителей русскоязычной диаспоры на правобережье реки Амур (провинция Хэйлунцзян)

Русскую речь представителей русскоязычной диаспоры на правобережье реки Амур (провинция Хэйлунцзян, КНР) исследовала С.В. Гордеева [2; 3; 4: 83 – 109]. Наилучшим образом русский язык сохранился в речи Марии (Цю Цзиньсу, 1931 г.р.), которая принадлежала ко второму поколению русских переселенцев. Она – носитель естественного билингвизма, т. е. русский язык усвоен ею в естественных условиях, в процессе общения с русской матерью. Мария родилась и выросла в Китае, она метиска в первом поколении, вышла замуж также за метиса в первом поколении. Территориальный вариант русского

языка, носителем которого они являются, существует *в устной форме* и имеет ярко выраженные диалектные черты, в настоящее время в коммуникации практически не используется [4: 94]. Основным языком у Марии – китайский. Для ее речи характерны: 1) использование грамматических показателей китайского языка: *Первая ши, брат, где ши* – бытийная связка 是 [shì]; *Мамы нетула; Уже русский нетула, всё по-китайски; Эта девочка нетула, она померла*, где *ла* – служебное слово 了 [le] – показатель завершенности действия, изменения обстоятельств и др.; 2) использование в качестве основы для построения предложений синтаксических моделей китайского языка (синтаксическое калькирование): *сорок годов больше; лет двадцать больше; пийсят больше* – аналогичная конструкция имеется в китайском языке: 一年多 [yī nián duō] (буквально: «один год больше»); *Вы зимой топите? – И сейчас. Три-четыре дня один раз топить*. Ср. в китайском языке: 一天三次 [yī tiān sān cì] (буквально: «один день три раза») и др.; 3) наличие иноязычных вкраплений: названий городов – *Хэйхэ, Буши* «Благовещенск», *Сюнькэ, Шанхай, Харбин*, сел – *Шандаогань, Сядаогань, Бяньцзян, Чэлу*, рек – *Хэйлунцзян*, а также имён и фамилий; 4) наличие лексических заимствований из китайского языка: *Оны двое по-русски, всё по-русски говорят, Сашка хэ^{бу} Матрена*, где 和 [hé] – союз *и*; – *А вы её как звали дома? Мама? – Туй, мама, где 对 [duì]* – выражение согласия «правильно, верно», и др.; 5) наличие семантических калек: *большой сын* – «старший сын», *маленькая сестра* – «младшая сестра», *маленькая девочка* – «младшая дочь». В китайском языке в подобных словосочетаниях употребляются многозначные прилагательные 大 [dà] – большой, крупный, старший и 小 [xiǎo] – маленький, мелкий, младший, молодой [4: 103–105].

Аналогичные случаи наблюдаются и в речи других немногочисленных представителей русскоязычной диаспоры на правом берегу реки Амур, сохранивших русский язык и способность изъясняться на нем. В их интерферированной под влиянием китайского языка *устной* русской речи присутствует заимствованная общепотребительная обиходная лексика из ставшего для них основным китайского языка, которая заменяет соответствующие по значению лексемы русского языка. О заимствованиях из китайского языка в *письменных* источниках на русском языке в русскоязычной диаспоре на правом берегу Амура можно судить лишь по сохранившимся анкетам русских переселенцев в провинцию Хэйлунцзян, которые составлены на русском языке для китайской администрации примерно в 1930-е гг. и в которых присутствуют китайские топонимы и образования от них, переданные средствами русской графики: д. *Дол-ган*, д. *Сё-дин-за*, г. *Увун*, *Хэйлунд*. *пров. Сюнь-кэвского уезда* и т. п. [4: 112].

Заимствования в русской речи представителей русскоязычной диаспоры в Трёхречье (Внутренняя Монголия)

Русская речь потомков переселенцев из российского Забайкалья в Трёхречье в начале XXI в. в социолингвистическом и собственно лингвистическом аспектах описана в работах О.В. Пустовалова [15; 16; 18; 19]. Изначально, в начале XX в., языковая ситуация в русских населённых пунктах китайского Трёхречья, а их было более двадцати [20: 278], характеризовалась русским одноязычием. Позднее у потомков русских переселенцев, проживающих на этой территории, развился русско-китайский, а затем и китайско-русский билингвизм, который постепенно переходит в китайское одноязычие [4: 146–147]. Русский язык используется ситуативно в обиходно-бытовом общении старшим поколением русскоязычных представителей русской диаспоры в Трёхречье или в профессиональной сфере некоторыми представителями младших поколений (в бизнесе, преподавании РКИ), в данном случае это уже выученный в образовательных учреждениях русский язык.

Трёхречье известно как многонациональный регион, в котором, кроме русских и китайцев, проживали кочевники-скотоводы (монголы, забайкальские буряты, тунгусы), охотничьи племена (орочоны и якуты), а также эвенки, чипчины, олоты, дауры, новобуряты, маньчжуры, хамниганы, солоны, корейцы, японцы и др. [12: 38; 44–53]. Однако ни один из языков этих народов, кроме китайского, не оказал влияния на русский язык в Трёхречье.

Типичным представителем русскоязычной диаспоры в современном Трёхречье является Лидия Д. (Сяо Жун), которая родилась в трёхреченском поселке Тулунтай в 1951 г. и до настоящего времени проживает в Трёхречье – в г. Лабудалинь. Лидия Д. – потомок русских переселенцев в Китай в третьем поколении: её бабушка – русская, дед – китаец; мать – соответственно, метиска, отец – китаец.

В компетенции Лидии два языка – русский и китайский. Она обучалась в китайской школе, по-русски читать и писать не умеет. Семейным языком был русский: муж, метис во втором поколении, хорошо говорил по-русски.

Лидия является носительницей диалектной формы русского языка: основу её словаря составляет общенародная и диалектная лексика. По диалектным особенностям её речи оказалось возможным установить севернорусский тип говора, перенесённого в Трёхречье из российского Забайкалья. Для диалектной речи Лидии свойственна интерференция под влиянием китайского языка на всех уровнях

языковой системы. В своей речи Лидия переключается с русского языка на китайский, использует китайские числительные или слова, русский эквивалент которых ей неизвестен.

Основным языком Лидии в последние годы является китайский. Узость сферы употребления русского языка (бытовое общение) и существование только в устной форме негативно отразились на состоянии родного языка Лидии, который постепенно забывается [18: 127–128].

В устной речи Лидии и других потомков русских в Трёхречье во втором–третьем поколениях наблюдается использование следующих заимствованных элементов из китайского языка: 1) синтаксические конструкции, представляющие собой кальки с китайского языка (синтаксическое калькирование): *Раньше всё русские были, всё суп и кашу, всё каши, ешо борщ; Всё веруем*. В указанных примерах конструкция *всё + существительное (глагол)* соответствует конструкции в китайском языке 都 [dōu] + *существительное (глагол)*, данная конструкция используется для обобщения; *Всё можно. Газету можно (читать)*. В китайском языке используется модальный глагол 可以 [kěyǐ], который переводится на русский язык разными способами. Например: *можно* (в значении «есть возможность, разрешается») или *мочь* (в значении «обладать способностью что-то сделать») и др.; 2) семантическое калькирование, например в словосочетании *сердцу неловко* (вместо: сердце болит). В Китае когда говорят о болезни или о недомогании, используют выражение 不舒服 [bùshūfu], что дословно означает «некомфортно, неудобно»; 3) иноязычные вкрапления: *Саньхэ, Шаньдун, Хэбэй* и др.; 4) заимствования из китайского языка: *Он в чжэньфу работает, где 政府 [zhèngfǔ] – «правительство»; Мама если жива шас будет, так цзюшилю, где 九十六 [jiǔshíjiù] – «девяносто девять»; 5) заимствование китайских грамматических элементов: *Тоже их стары нетула* и др. [4: 164–169].*

Письменным источником на русском языке, демонстрирующим заимствования в русский язык трёхреченцев, выступает тетрадь-песенник Ирины Г., потомка русских в третьем поколении. Песенник Ирина вела с 1958 г. и записывала туда русские песни, частушки, кулинарные рецепты, адреса, «чтобы не забыть русский язык» [28]. Этот документ выступал объектом анализа фольклористов и культурологов [9: 266–305] и представляет большой интерес для лингвистов, поскольку демонстрирует естественную русскую письменную речь русскоязычной диаспоры в Трёхречье, отражая особенности их произношения и употребления грамматических форм [15: 369]. Заимствованной лексики в устойчивых фольклорных жанрах в рассматриваемом источнике не было обнаружено, кроме упоминания

партийного лидера Мао Цзэдуна: *Здесь миллионы дружных людей в мире и счастье живут, Партии славу поют своей, Мао Це Дун Славу поют.* Чаще на страницах песенника встречаются переводы русских песен на китайский язык в иероглифической записи, что является дополнительным подтверждением усиливающегося субординативного билингвизма автора тетради-песенника с доминированием китайского языка.

Заимствования в русской речи представителей русскоязычной диаспоры в Синьцзяне (Синьцзян-Уйгурский автономный район)

Синьцзян находится на северо-западе Китая и граничит со среднеазиатскими странами и Россией. Русскоязычная диаспора в этом регионе является самой многочисленной: в настоящее время там проживает около 12 тыс. потомков русских переселенцев, часть из которых являются этническими («чистокровными») русскими в третьем–четвёртом поколениях. Данный вариант русской речи в восточном зарубежье описан в работах С.В. Гордеева [4: 168–204; 17].

Типичным и ярким представителем русскоязычной диаспоры в Синьцзяне является Александр З., 1958 г. р., русский в третьем поколении переселенцев из России в Китай, проживающий в г. Инин Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР – многонационального региона, в котором говорят на 53 генетически и типологически различных языках.

Александр родился в Китае, он является этническим («чистокровным») русским: его русские дедушки и бабушки переселились в Синьцзян в начале 1930-х гг. во время коллективизации в России; мать и отец, русские, родились уже в Китае, в г. Инин, там же получили образование в русских школах. Александр тоже начал получать образование в одной из русских школ г. Инина, но не окончил её по причине закрытия школы во время «культурной революции». 14 братьев и сестёр Александра могут говорить, читать и писать по-русски, все имеют русские имена. Жена Александра, Алла, тоже русская. Их дети – Маргарита, Анна и Антонина, учились в русской школе г. Инина, владеют русским и китайским языками: могут говорить, писать и читать на этих языках. На русском языке они говорят со своими старшими родственниками, а в общении друг с другом преимущественно используют китайский язык [4: 193–195].

Александра характеризует высокий уровень сохранности русского языка. Кроме того, в его языковую компетенцию входят уйгурский, казахский, китайский и английский языки, на которых он может го-

ворить, а на русском и уйгурском – читать [4: 193]. Такое положение дел характерно и для многих других представителей русскоязычной диаспоры в Синьцзяне.

В русском языке синьцзянской русскоязычной диаспоры, находящейся в многонациональном и многоязычном социуме, неизбежен процесс заимствования из других языков, однако его специфику определяет состав заимствованных единиц по языку – источнику заимствования. В Синьцзяне первую очередь это заимствования из тюркских языков: *аркан* – «верёвка с петлёй для ловли животного» (татар.), *арык* – «оросительный канал, канава» (уйг., башк., казах., татар.), *иримчэк* – «сыр домашнего приготовления» (киргиз., казах.), *камча* – «название плети или кнута» (казах.), *къмыс* и *кумыс* – «напиток из молока кобылы» (татар.), *курт* – «название кисломолочного продукта» (казах.), *урук* – «урюк» (тюрк.) и др.

Наблюдается и влияние китайского языка, которое в *устной* речи проявляется в следующем: 1) иноязычные вкрапления – названия городов и уездов: *Шанхай*, *Чугучак*, *Урумчи*, *Монголкура*, *Кунес*, *Текес*; 2) лексические заимствования из китайского языка: *лагман*, где 兰格曼 [lángémàn] – «лагман – блюдо из лапши»; 3) синтаксическая калька с китайского языка (единично): *моёй жены братова дочь* – «дочь брата жены». В китайском языке главное слово – «дочь», находится в конце модели: 妻子的哥哥的女儿 [qīzidegēgedenǚ'ér], где 妻子 [qīzi] – «жена»; 的 [de] – «признак притяжательности»; 哥哥 [gēge] – «старший брат»; 的 [de] – «признак притяжательности»; 女儿 [nǚ'ér] – «дочь».

Письменные источники, демонстрирующие функционирование русского языка в Синьцзяне и позволяющие судить о присутствии заимствований, не были доступны для исследования.

Заимствования в русской речи представителей русскоязычной диаспоры в Харбине

Город Харбин и русскоязычная диаспора в Харбине занимают особое место в истории русской восточной эмиграции. Возникновение Харбина в 1898 г. было связано со строительством Китайско-Восточной железной дороги по совместному договору России и Китая. Построенная дорога должна была находиться в общем пользовании двух государств [1: 51]. Город Харбин бурно развивался и уже через 20 лет представлял собой по своему облику и жизнеустройству провинциальный российский город с развитой по российскому типу инфраструктурой, русскими образовательными учреждениями, русской периодикой, русской культурной жизнью и т. д. [11: 105]. После 1917 г. население Харбина пополнилось беженцами от новой политиче-

ской власти в России, среди которых были как привилегированные слои русского общества, интеллигенты, так и рабочие, крестьяне, казаки [8: 72–73]. Сферы использования русского языка в Харбине в первой половине XX в. были чрезвычайно широки [14: 27–37] как в устной, разговорной форме, так и в письменной кодифицированной официальной разновидности.

Для русской речи Харбина в начале и середине XX в., когда он был центром русской восточной эмиграции, характерны заимствования из восточных языков – китайского (главным образом) и японского, а также и из западно-европейских языков.

Заимствования из восточных языков

Заимствования из восточных языков присутствовали в устной речи последних русских Харбина, проживших в этом китайском городе свою жизнь. Типичным представителем русскоязычной диаспоры в Харбине в XX в. был Михаил М., относящийся к первому поколению эмигрантов. Родившийся в 1912 г. в России, в Самаре, он в 1919 г. бежал вместе с родителями в Харбин, где впоследствии получил высшее образование в Харбинском политехническом институте. Михаил М. знал несколько европейских языков (английский, французский, немецкий), а также японский разговорный. Китайским языком, по собственному признанию, не владел. Он был носителем литературной формы русского языка, который сохранил в чистоте. Русская речь Михаила М. соответствовала петербургскому произносительному варианту нормы, которая считалась престижной в Харбине и характеризовала речь русского интеллигента [6: 101]. В его устной речи отсутствовала интерференция под влиянием китайского и других известных ему языков, несмотря на 80 лет жизни вне метрополии. Однако лексические заимствования из китайского языка в устной речи Михаила М. присутствовали, и они составляли специфическую черту его речи, хотя и не были многочисленными: *Дядя Миша говорит «камбэй!» Да, дядя Миша, а Иван Грозный говорил «Вздвогнем!», где 干杯 [gānbēi] – «выпить до дна, осушить бокал»; Нет, он не придёт. Он себя плохо чувствует. Он играет в маджан, где 麻将 [májiàng] – «мацзян, маджонг – игра в кости»; Каждый день кайхой да кайхой, где 开会 [kāihuì] – «проводить собрание»; У меня вот чашечка есть такая. В общем лян, два ляна воды так если посмотреть, где 两 [liǎng] – «мера веса, равная 50 грамм», и др.*

Эти примеры слов, непосредственно заимствованных в русский язык восточного зарубежья из китайского языка. Среди китайских заимствований в русском языке восточного зарубежья имелись и

такие, которые в русском языке метрополии существовали в статусе экзотических наименований, а в восточном зарубежье получили второе рождение, став актуальными и широкоупотребительными. Это, например, *юань* – «название денежной единицы Китая»: *Один юань, всё равно что наш рубль, тоже рубль десятичный, понятно?*; *фанза* – «название китайского жилища»: *Первую половину я получил, пошёл за город, купил китайскую фанзу с участком, и скот туда перегнал*, и др.

Широко использовались китайские топонимические наименования в русской речи восточного зарубежья. Например, *Цындао, Ченхе*: *Потом у него заболела поджелудочная железа. Отправили его в город Цындао, к докторам немецким; Через несколько лет, в девяносто третьем году, навещал других наших местных, в Ченхе поехал навестить одну старушку* и др.

Присутствовали в устной русской речи последних представителей русскоязычной диаспоры в Харбине и заимствования из японского языка, которые вошли в разговорный обиход харбинцев в годы японской оккупации Маньчжурии: *Эти талоны на муку были, на муку, хлеб... лимпё, были размером на... один, на пять динь, на десять динь, кажется, на муку, рис, где лимпё* – «карточки для обмена на продукты во время японской оккупации».

В письменной речи русского Харбина (14: 132–142), а именно в обширной периодической печати (как минимум 154 наименования периодических изданий на русском языке выходило в Харбине в течение всего периода пребывания там русскоязычной колонии [22]), в произведениях художественной и мемуарной литературы также присутствовали заимствования из восточных языков: из китайского языка – языка страны проживания русских эмигрантов, и японского языка – языка Японии, оккупировавшей в 1932 г. Маньчжурию и Харбин [20: 138].

В эмиграции возникает «ощущение необходимости говорить так, чтобы отражать именно ту действительность, которая окружает» [21: 449], поэтому состав заимствований из китайского языка включает, прежде всего, обозначения реалий китайской жизни, экзотичных для носителя русского языка.

Все заимствования из китайского языка, зафиксированные в письменных источниках, различаются по способу вхождения в русский язык восточной эмиграции. Как и в устной речи русскоязычной диаспоры Харбина, в письменной речи актуализировались и частотно использовались уже известные русскому языку метрополии, но имевшие там статус экзотизмов заимствованные из китайского языка лексические единицы. Об этом свидетельствуют данные Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова [23]. В русском языке

восточного зарубежья в тот же период и позже эти лексические заимствования вошли в состав активно употребляемой лексики. Например, *фанза* – «дом, строение»; *хунхуз* – «разбойник»; *гаолян* – «сельскохозяйственная злаковая культура; разновидность проса»; *жень-шень* – «дикорастущее растение, произрастающее на Дальнем Востоке» и некоторые др. Кроме того, как и в записях устной русской речи харбинцев, в письменных текстах присутствовали лексические единицы, непосредственно заимствованные в русский язык восточного зарубежья из китайского языка. Например, *кан* – «лежанка, место для сна и отдыха»; *фен* – «мелкая китайская монета»; *чумиза* – «сельскохозяйственная злаковая культура»; *та-хула* – «особый вид китайского лакомства»; *батат* – «запечённый китайский сладкий картофель»; *син-гоуцзы* – «китайские дыни»; *лянцай* – «китайская холодная закуска»; *финтеза* (*фунгоза*) – «лапша из рисовой муки»; *пинго* – «китайское мороженое»; *тян-бин* – «китайский блин из кукурузной муки»; *куня* – «китайская девушка, обычно в качестве обращения»; *ама* – «китайская няня» и др.

Заимствования из китайского языка в русском языке восточного зарубежья, в Харбине, были представлены следующими основными тематическими группами: 1) названия лица – китайцев или представителей других азиатских народов (*хунхуз, ама, куня, рикша, ходя, чжангуйда, даоинь*); 2) названия сельскохозяйственных злаковых культур, традиционно выращиваемых в Китае (*гаолян, чумиза и сяомицза, пампиза*); 3) названия традиционных китайских блюд и напитков (*тян-бин, та-хула, батат, лянцай, финтеза, пинго, ханжа, хана*); 4) названия мер и денежных единиц (*фен, шан, малый шан*); 5) название традиционной китайской постройки и её внутреннего сооружения (*фанза, кан*); 6) название местного целебного растения (*жень-шень*); 7) название праздничной китайской процедуры (*цин-кэ*). Все это лишний раз подтверждает их экзотический, или этнографический, или региональный статус [7: 158].

Заимствования из китайского языка в русском языке восточного зарубежья, несмотря на интенсивность русско-китайских языковых контактов, не являлись многочисленными. Главная причина, на наш взгляд, – лингвистическая. Типологическое различие китайского и русского языков затрудняет их свободное взаимодействие. Сложный, необычный для русского восприятия фонетический облик китайского слова также не способствует беспрепятственному, свободному заимствованию. Кроме того, представление о своём языке как имеющем более высокую социальную и культурную значимость было свойственно русским в Китае: русский язык в Харбине обслуживал все коммуникативно значимые сферы жизнедеятельности русского

населения. Обходиться средствами родного языка, не зная языка принявшей страны, было возможно и по причине лояльной языковой политики Китая, который не препятствовал свободному использованию русского языка на своей территории.

Процесс заимствования из японского языка в русских письменных источниках Харбина активизировался в период японской оккупации Маньчжурии и Харбина (1932–1945 гг.). Лексические заимствования из японского языка представляют собой наименования специфичных японских реалий: *бенито* – «порция еды, упакованная в коробочку»; *гетто* и *гета* – «деревянные японские сандалии»; *джинрикиса* – «общественный транспорт, то же, что рикша»; *кемпейтай* и *кэмпэтай* – «японская жандармерия»; *момпэ* – «японские женские штаны-шаровары»; *хибачи* – «японская печь»; *чикатаби* – «японская рабочая обувь» и др. По данным И.К. Косицыной, заимствования из японского языка составляют 25 % всех заимствований из восточных языков в русском языке Харбина [10: 184].

Заимствования из западно-европейских языков

Всплеск научной и инженерной мысли в мире, популяризация телефона, радио, фотографии, кинематографа, авиации, телевидения, развитие спорта в начале и первой половине XX в. потребовали новых обозначений, которые возникали в западно-европейских языках и проникали и в русский язык метрополии, и в русский язык зарубежья [5: 31]. Есть основания предполагать, что в русском языке восточного зарубежья процесс заимствований из западно-европейских языков был более интенсивным по сравнению с метрополией по причине того, что в первой половине XX в. Харбин был местом привлечения иностранного капитала и, соответственно, непосредственных прямых контактов представителей различных европейских государств, являвшихся носителями разных языков [1: 95–104].

Проникновение западно-европейских заимствований происходило главным образом через язык периодики и могло осуществляться одновременно и в язык метрополии, и в язык эмиграции. В этом случае одна и та же заимствованная единица могла обнаруживать различие в способе транслитерации, орфографическом и грамматическом оформлении, произношении, степени освоенности. Непосредственно из языка-источника в русский язык восточного зарубежья вошли некоторые спортивные наименования. Свидетельством тому является их разнотипное графическое оформление в периодических изданиях Харбина первой половины XX в., отражающее вхождение и пути адаптации этих слов в русский язык. См.: *volley-ball*, *basket-ball*,

handball и бейс-бол 1920; состязания по валлей-болл у 1927; по баскет-болл ю в ХОС организуются команды 1927; состязания по баскет-боллу, валлей-боллу, хенд-боллу 1927; Русский Баскет-Болл Клуб 1936; баскет болл, баскет боллу и баскет-болл 1936, а также образованные от них собственно русские баскет большая команда и баскет-болльные организации 1936; баскет-боллисты 1936; воллей-болльная команда 1937; баскет-болльная встреча 1945; дайренские бейс-болисты 1927; бейзболлист 1940 и даже состязания в «медицин-болл» 1927.

К числу непосредственных заимствований из западно-европейских языков в русский язык восточного зарубежья относятся также следующие группы наименований: 1) наименования, отражающие достижения научно-технической мысли, активно внедряемые в жизнь (*виктрола, виктрола-ортофоника, пурифайер, радио-электрола, телеаутография, телеаутограммы*); 2) наименования, связанные с культурой внешнего вида человека, – наименования одежды, её деталей, тканей и т. п. (*джампера, джерсе, зипер, клипс, крэп-сатэн, креп-де шин, креп дешин и креп-де-шин, макияж, сорти – де-баль, тайер*). Указанные лексические единицы отсутствуют в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова либо присутствуют там в другом формальном варианте [23].

Заключение

Анализ заимствований в русском языке восточного зарубежья, а именно в русскоязычных диаспорах Харбина, правобережья реки Амур, Трёхречья и Синьцзяна в XX – начале XXI в. показал, что, несмотря на хронологическую, территориальную и историческую соположенность диаспор, мы видим вариативность русского языка в восточном зарубежье, проявляющуюся, в частности, в составе заимствований, их источников и видов. В сравнительном ключе эта вариативность представлена в таблице.

Заимствования в русской речи представителей русскоязычных диаспор в Китае: сравнительный анализ

Показатель	Правобережье реки Амур	Трёх- речье	Синьцзян	Харбин
Лексические заимствования и вкрапления	Да (из китайского языка)	Да (из ки- тайского языка)	Да (из китай- ского и тюркских языков)	Да (из китайского, японского и западно-европей- ских языков)

Показатель	Правобережье реки Амур	Трёх- речье	Синьцзян	Харбин
Семантические кальки	Да	Да	Не обнару- жено	Не обнаружено
Синтаксические кальки	Да	Да	Единичный случай	Не обнаружено
Морфологические заимствования	Да	Да	Не обнаружено	Не обнаружено

Состав заимствований в различных вариантах русского языка в восточном (китайском) зарубежье показывает актуальность тех или иных социальных и культурных контактов, отразившихся в заимствованиях из языков их носителей: в русском языке русскоязычной диаспоры Харбина это заимствования из восточных (китайского и японского) языков и из западно-европейских языков; в Синьцзяне – заимствования из китайского и тюркских языков; в Трёхречье и на правобережье реки Амур – только из китайского языка.

Особенности функционирования заимствований в русской речи представителей различных русскоязычных диаспор в Китае, их использование в устной и письменной разновидностях русского языка демонстрируют различные способы языкового существования и разный уровень сохранности русского языка в диаспорах.

Так, в Харбине наблюдалось полноценное функционирование русского языка, проявляющееся, в частности, в заимствовании необходимой для коммуникации и соответствующей запросам современного момента лексики из восточных и западноевропейских языков и использовании её как в устной, так и письменной речи; по сути, это «параллельное» существование системы русского языка в зарубежье в первой половине и середине XX в. по отношению к системе русского языка в метрополии.

В Синьцзяне происходит адекватное условиям зарубежья использование лексических заимствований из китайского языка и тюркских языков в устной речи современных представителей русскоязычной диаспоры старшего поколения – этнических русских и метисов, владеющих русским языком.

В Трёхречье и на правобережье реки Амур отмечено заимствование не только лексического, но и грамматического (синтаксического и морфологического) свойства, приводящее в ситуации русско-китайского билингвизма к постепенному замещению в русской речи билингвов элементов родного языка элементами доминирующей в данном социуме языковой системы китайского языка с последующим полным переходом на коммуникацию средствами этой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НД ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.

2. *Гордеева С.В.* Русский язык в приграничном Китае: на материале речи русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 238 с.

3. *Гордеева С.В.* Потомки русских эмигрантов китайского приграничья: типология языковых личностей // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 66. С. 93–99.

4. *Гордеев С.В., Гордеева С.В., Оглезнева Е.А. и др.* Русскоязычные анклавы в Китае в XX – начале XXI в.: языковые ситуации и языковые личности / под ред. Е.А. Оглезневой. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2024. 232 с.

5. *Грановская Л.М.* Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны / отв. ред. М.В. Ляпон. М.: ИРЯЗ, 1995. 176 с.

6. *Дземешкевич Л.* Харбинцы. Омск, 1998. 230 с.

7. *Добродомов И.Г.* Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 158–159.

8. *Дубинина Н.П., Ципкин Ю.Н.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 70–84.

9. *Забияко А.П., Забияко А.А.* Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ РАН, 2017. 340 с.

10. *Косицына И.К.* Заимствования из восточных языков в русском языке восточного зарубежья и их специфика // Социальные и гуманитарные науки на дальнем Востоке. 2020. Т. XVII, вып. 2. С. 180–185.

11. *Золотарева Т.И.* Маньчжурские были. Сидней (Австралия): Харбинское и Маньчжур. ист. общ-во, 2000. 278 с.

12. *Кормазов В.А.* Барга. Экономический очерк. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1928. 281 с.

13. *Оглезнева Е.А.* Речевой портрет Михаила Михайловича Мятова, представителя русской диаспоры в Харбине // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 6. С. 52–74.

14. *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. 352 с.

15. *Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В.* Социально-речевой портрет потомка русских переселенцев в китайском Трёхречье в XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2021. Т. 12, № 2. С. 359–373. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373

16. *Оглезнева Е.А., Пустовалов О.В.* Русский язык в китайском Трёхре-

чье: языковые особенности // Русин. 2022. № 68. С. 299–315. doi: 10.17223/18572685/68/16

17. *Оглезнева Е.А., Гордеев С.В.* Славянская языковая личность в неславянском окружении (на материале речи русских и их потомков в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР) // Русин. 2023. № 71. С. 270–287. doi: 10.17223/18572685/71/13

18. *Пустовалов О.В.* Речевой портрет потомка русских переселенцев в китайское Трёхречье в XX в. (на материале записей устной речи одной из представительниц русской восточной эмиграции в Китае) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (2). С. 119–130. doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_119_130

19. *Пустовалов О.В.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Трёхречье, Китай): дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2021. 210 с.

20. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: ДВГУ, 2002. 360 с.

21. *Протасова Е.Ю.* Языковая норма: извне или изнутри? // Русский язык сегодня : сб. статей. М., 2006. Вып. 4: Проблемы языковой нормы. С. 449–456.

22. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М.: РОССПЭН, 1999. 464 с.

23. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1–4.

24. Фоноархив «Русский Харбин: записи речи последних представителей русской диаспоры в Харбине (КНР). 2000–2006 гг.» // Хранение: Оглезнева Е.А. Копия: Лаборатория региональной лингвистики, Амурский государственный университет.

25. Фоноархив «Русские деревни Китая: записи речи потомков русских переселенцев на правобережье реки Амур, провинция Хэйлунцзян (КНР). 2011–2012 гг.» // Хранение: Гордеева С.В. Копия: Оглезнева Е.А.

26. Фоноархив «Русское Трёхречье: записи речи потомков русских переселенцев в Трёхречье (КНР). 2017–2018 гг.» // Хранение: Пустовалов О.В. Копия: Оглезнева Е.А.

27. Фоноархив «Русский Синьцзян: записи речи потомков русских переселенцев в Синьцзян (КНР). 2018 г.» // Хранение: Гордеев С.В. Копия: Оглезнева Е.А.

28. Дневник-песенник Громовой И. 1958–2018. Копия // Хранение: Пустовалов О.В. Копия: Оглезнева Е.А.

REFERENCES

1. Ablova, N.E. (2004) *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and Russian Émigré in China: International and Political Aspects of History (First Half of the 20th Century)]. Moscow: Russkaya panorama.

2. Gordeeva, S.V. (2015) *Russkiy yazyk v prigranichnom Kitaye: na materiale rechi russkikh pereselentsev v Kitay 20–40-kh gg. XX v. i ikh potomkov* [The Russian language in border China (based on the speech of Russian immigrants to China in the 1920s – 1940s century and their descendants)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

3. Gordeeva, S.V. (2014) Potomki russkikh emigrantov kitayskogo prigranich'ya: tipologiya yazykovykh lichnostey [Descendants of Russian Emigrants to the Chinese Borderland: Typology of Linguistic Personalities]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 66. pp. 93–99.

4. Gordeev, S.V., Gordeeva, S.V., Oglezneva, E.A. et al. (2024) *Russkoyazychnye anklavy v Kitae v XX – nachale XXI v.: yazykovye situatsii i yazykovye lichnosti* [Russian-speaking enclaves in China in the 20th – early 21st centuries: Language situations and language personalities]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering.

5. Granovskaya, L.M. (1995) *Russkiy yazyk v “rassyanii”*: Ocherki po yazyku russkoy emigratsii pervoy volny [Russian language in the “diaspora”: Essays on the language of the first wave of Russian émigré]. Moscow: IRYAZ.

6. Dzemeshevich, L. (1998) *Kharbinty* [The Harbin people]. Omsk: [s.n.].

7. Dobrodomov, I.G. (1990) Zaimstvovanie [Borrowing]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 158–159.

8. Dubinina, N.P. & Tsipkin, Yu.N. (1996) Ob osobennostyakh dal'nevostochnoy vetvi rossiyskoy emigratsii (na materialakh Kharbinskogo komiteta pomoshchi russkim bezhentsam) [On the peculiarities of the Far Eastern branch of Russian émigré (based on materials from the Harbin Committee for Assistance to Russian Refugees)]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 70–84.

9. Zabiyako, A.P. & Zabiyako, A.A. (2017) *Russkiye Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russians of Trekhrech'e: The foundations of ethnic identity]. Novosibirsk: IAET RAS.

10. Kositsyna, I.K. (2020) Zaimstvovaniya iz vostochnykh yazykov v russkom yazyke vostochnogo zarubezh'ya i ikh spetsifika [Borrowings from Eastern languages in the Russian language of the Eastern Abroad and their specificity]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki na dal'nem Vostoke*. XVII(2). pp. 180–185.

11. Zolotareva, T.I. (2000) *Man'chzhurskie byli* [Manchurian Byl]. Sidney: Harbin and Manchurian Historical Society.

12. Kormazov, V.A. (1928) *Barga. Ekonomicheskiiy ocherk* [Barga. An economic essay]. Harbin: China Eastern Railway.
13. Oglezneva, E.A. (2008) Rechevoy portret Mikhaila Mikhaylovicha Myatova, predstavatelya russkoy diaspory v Kharbine [Speech portrait of Mikhail Mikhailovich Myatov, a representative of the Russian diaspora in Harbin]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiiy al'manakh*. 6. pp. 52–74.
14. Oglezneva, E.A. (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [Russian language in the Eastern Abroad (based on Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.
15. Oglezneva, E.A. & Pustovalov, O.V. (2021) Social and speech portrait of a descendant of Russian settlers in the Chinese Three Rivers region in the 20th century. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 12(2). pp. 359–373 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-359-373
16. Oglezneva, E.A. & Pustovalov, O.V. (2022) The Russian language in the Chinese Three Rivers Region: Linguistic features. *Rusin*. 68. pp. 299–315 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/68/16
17. Oglezneva, E.A. & Gordeev, S.V. (2022) Slavic linguistic personality in a non-Slavic environment (based on the speech of Russians and their descendants in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. *Rusin*. 71. pp. 270–287 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/71/13
18. Pustovalov, O.V. (2020) Rechevoy portret potomka russkikh pereselentsev v kitayskoe Trekhtrech'e v XX v. (na materiale zapishey ustnoy rechi odnoy iz predstavitel'nykh russkoy vostochnoy emigratsii v Kitaye) [Speech portrait of a descendant of Russian settlers in the Chinese Three Rivers in the 20th century (based on recordings of oral speech of one of the representatives of the Russian Eastern émigré in China)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 6(2). pp. 119–130. DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_119_130
19. Pustovalov, O.V. (2021) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'ye (na materiale russkoy rechi v Trekhtrech'ye, Kitay)* [The Russian language in the Eastern Abroad (based on the Russian speech in Trekhtrechye, China)]. Philology Cand. Diss. Ulan-Ude.
20. Khisamutdinov, A.A. (2002) *Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: opyt entsiklopedii* [Russian Émigré in China: An Encyclopedic Study]. Vladivostok: Far Eastern National University.
21. Protasova, E.Yu. (2006) Yazykovaya norma: izвне ili iznutri? [Language norm: From outside or from within?]. In: *Russkiy yazyk segodnya* [The Russian Language Today]. Vol. 4. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. pp. 449–456.
22. Shumova, V.P. et al. (eds) (1999) *Svodnyy katalog periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy Russkogo zarubezh'ya v bibliotekakh Moskvy (1917–1996 gg.)* [Consolidated Catalog of Periodicals and Serials of the Russian Diaspora

in Moscow Libraries (1917–1996)]. Moscow: ROSSPEN.

23. Ushakov, D.N. (ed.). (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 vols]. Moscow: OGI.

24. Oglezneva, E.A. (2000–2006). *Fonoarkhiv "Russkiy Kharbin: zapisi rechi poslednikh predstaviteley russkoy diaspory v Kharbine (KNR). 2000–2006 gg."* [Phonographic archive "Russian Harbin: Recordings of speech of the last representatives of the Russian diaspora in Harbin (PRC)"]. [Unpublished raw data]. Held by the author. Copy at the Laboratory of Regional Linguistics, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

25. Gordeeva, S.V. (2011–2012) *Fonoarkhiv "Russkie derevni Kitaya: zapisi rechi potomkov russkikh pereselentsev na pravoberezh'e reki Amur, provintsiya Kheyluntszyan (KNR). 2011–2012 gg."* [Phonographic archive "Russian villages of China: Recordings of speech of descendants of Russian settlers on the right bank of the Amur River, Heilongjiang Province (PRC)"]. [Unpublished raw data]. Held by the author. Copy at E.A. Oglezneva.

26. Pustovalov, O.V. (2017–2018) *Fonoarkhiv "Russkoye Trekhrech'e: zapisi rechi potomkov russkikh pereselentsev v Trekhrech'e (KNR). 2017–2018 gg."* [Phonographic archive "Russian Trekhrechye: Recordings of speech of descendants of Russian settlers in Trekhrechye (PRC)"]. [Unpublished raw data]. Held by the author. Copy at E.A. Oglezneva.

27. Gordeev, S.V. (2018) *Fonoarkhiv "Russkiy Sintszyan: zapisi rechi potomkov russkikh pereselentsev v Sintszyan (KNR). 2018 g."* [Phonographic archive "Russian Xinjiang: Recordings of speech of descendants of Russian settlers in Xinjiang (PRC)"]. [Unpublished raw data]. Held by the author. Copy at E.A. Oglezneva.

28. Gromova, I. (1958–2018) *Dnevnik-pesennik Gromovoy I. 1958–2018* [I. Gromova's diary-songbook, 1958–2018]. [Unpublished manuscript]. Copy held by O.V. Pustovalov. Another copy at E.A. Oglezneva.

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук Томского государственного архитектурно-строительного университета (Россия).

Elena A. Oglezneva – Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru